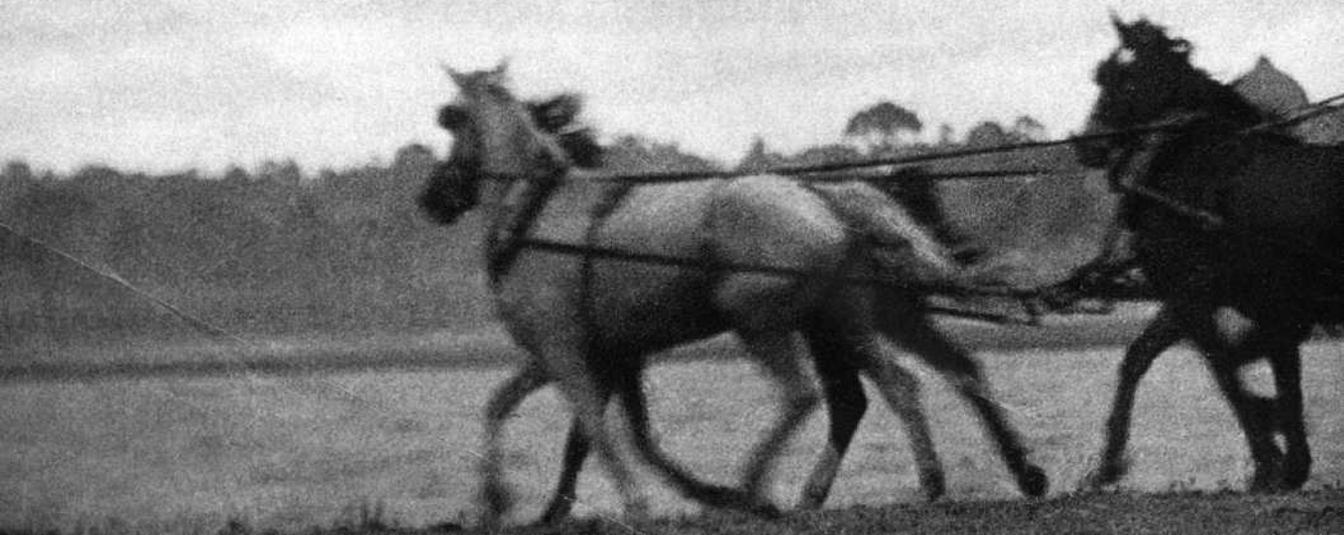

УЧЕНИК ДЬЯВОЛА

Заплаканная мать поцеловала ребенка
в лоб и тихо обратилась к подмастерью
гробовщика: «Сделай ему гробик получше...»
Парень с линейкой в руках наклонился
к колыбели и вдруг в ужасе отпрянул:
«Пресвятая Дева, мертвец-то ожил!..»

«Музыкант должен поражать. Если ему это не удастся, лучше вообще не браться за инструмент», — повторял Паганини

Уже вторую неделю Никколо метался в бреду. Туберкулез, лихорадка, кишечные боли, ревматизм — список болезней был столь внушительным, что синьора Тереза потеряла им счет. Мать примчалась в Павию, как только получила письмо от доктора Сиро Борда с сообщением, что Нико совсем плох. Сын называл ее своим ангелом-хранителем и всю жизнь не расставался с ермолкой, сделанной из куска материнского свадебного платья, так как верил, что она приносит ему удачу. Синьора Тереза сменила компресс на лбу сына: ничего, милый, матушка поставит тебя на ноги, как делала это уже не раз. Отказавшись от помощи прислуги, она дни и ночи напролет проводила в спальне больного: натирала его настойкой боярышника и ртутной мазью, делала массаж и даже кровопускания — из синьоры Терезы получилась отличная сиделка. Собственно, в этом не было ничего странного: никто лучше матери не может позаботиться о ее сыне. Синьора Тереза сплеховала лишь однажды, когда Никколо в четыре года заболел краснухой. Мальчик заснул, но каким-то странным, мертвым сном, и она никак не могла его разбудить. Батистовый платочек, поднесенный к губам, даже не шелхнулся — дыхания не было, и мать реши-

Дыхания не было, и синьора Тереза решила, что Нико умер. Если бы не подмастерье гробовщика, она бы похоронила живого сына!

ла, что Нико умер. Если бы не подмастерье гробовщика, она бы тридцать пять лет назад похоронила живого сына!

...Открыв глаза, Никколо обвел взглядом комнату. Впервые за долгие дни жар наконец спал. Воспользовавшись тем, что мать отлучилась на кухню, он, несмотря на слабость в ногах и головокружение, встал с кровати. Нужно подняться

на второй этаж и убедиться в том, что страшный сон о любимой скрипке, у которой порваны все струны, преследовавший его в бреду как наваждение, не обернулся явью.

Паганини открыл футляр и вздохнул с облегчением: слава Богу, скрипка цела! Осторожно взяв в руки инструмент, он взмахнул смычком и застыл: левая рука,

сжимавшая гриф, предательски подрагивала. Никколо провел смычком по струнам и похолодел — звук получился жалким и пронзительным. Руки отказывались слушаться! Такого с ним не было ни разу за более чем три десятка лет! Паганини вытер со лба холодную испарину: неужели он больше никогда не сыграет так, как раньше?.. Окликнув мать, он попросил приготовить ему чашку крепкого несладкого кофе и, не обращая внимания на мольбы вернуться в кровать, заперся в кабинете. Обычно Паганини забывал о любых недугах, как только скрипка оказывалась в его руках: музыка всегда лечила лучше всяких лекарств, но сегодня болезнь впервые взяла верх. Никколо подержал скрипку и положил обратно в футляр: нет, он не разучился играть, хотя вряд ли уже сможет пора-

жать публику блистательной техникой и совершенством исполнения труднейших произведений. Неужели он способен вызывать только жалость?! Нет, только не это! Лучше поставить крест на музыке — это же ясно как Божий день! Но, черт возьми, чем же он тогда займется? Позабывтый всеми, станет тихо доживать свой век, вспоминая, как когда-то публика на концертах разносила в щепки сцену? Никколо улыбнулся... Они восхищались им, потому что лишь его скрипка способна передать журчание ручейка, скрип телеги, плач ребенка, смех любимой женщины... За это Паганини называли чародеем, продавшим душу дьяволу, даже самым сатаной. Обыватели были уверены, что без вмешательства нечистой силы здесь не обошлось, ибо ни одна скрипка, созданная человеком, не звучала так, как скрипка Паганини!

В маленькой церкви неподалеку от дома маэстро ударили в колокол. Никколо вздрогнул. Он не любил этого громкого протяжного звука и в детстве: слышав благовест, тут же со всех ног мчался к матери. Однажды синьора Тереза рассказала сказку о мальчишке, который боялся большого сверчка, живущего за печкой. Но потом сверчка поймали и посадили в коробку. Эта сказка долго не шла у Нико из головы: он размышлял о том, как бы спрятать в коробочку колокольный звон, от которого нет житья. Но в итоге рассудил: гораздо надежнее просто перестать бояться, ведь он — мужчина, а не какой-то хлюпик.

Действительно, никто не мог обвинить Никколо Паганини в трусости. В восемь лет, видя, как отец таскает мать за волосы — та недосолила чечевичную похлебку, Нико схватил деревянный ухват и что есть силы огрел родителя по спине. Разъяренный синьор Антонио, надавав сыну звонких затрещин, отправил его в чулан: «Будешь играть гаммы до тех пор, пока не натрешь мозоли на пальцах...» Нико терпеть не мог гаммы: от их монотонного звучания так и клонило в сон. Но перечить отцу бесполезно, все равно не позволит пойти к сверстникам на улицу...

Синьор Антонио отличался поистине ослиным упрямством. За свою жизнь сей почтенный муж чем только не занимался: служил в порту, держал небольшую лавку, даже пробовал силы в прорицательстве, однако всегда был убежден, что его истинное призвание — музыка. Но поскольку самому синьору Антонио было поздновато покорять сцену, он решил сделать музыкантами своих детей. Сна-

чала принялся за брата Никколо, но тому, как на грех, медведь на ухо наступил — мальчишка не мог спеть чисто ни одной ноты. Поэтому, когда синьора Тереза снова забеременела, Антонио отправился в церковь и зажег десяток свечей перед иконой Пречистой Девы, умоляя Богоматерь послать сына, который стал бы скрипачом и прославил фамилию Паганини. Очевидно, Мадонна услышала молитвы набожного меломана, потому что через полгода родился мальчик, отмеченный Божьей благодатью. Верным признаком избранности Антонио считал невероятную чувствительность малыша к любому звуку — Нико принимался плакать, даже когда по полу пробегала мышь. К тому же, по словам синьоры Терезы, за несколько часов до родов к ней явился ангел, поведавший о том, что мальчик, находящийся в ее чреве, прославится на весь мир.

...Нико сидел в чулане уже два часа, когда синьор Антонио услышал доносившееся оттуда истошное мяуканье. Он торопливо распахнул дверь и, заметив, что сын прячет за спиной скрипку, заскрипел от злости зубами. Мальчишке так легко удается копировать визг котов и щебет канареек, что лавочник Паганини всерьез беспокоился за будущее сына: с такими «талантами» ему прямой путь в балаганные шуты, а не в великие музыканты. Завтра же он ответит шутника к Франческо Ньекко, известному в Генуе скрипачу и композитору. Уж тот-то выбьет из головы Никколо всякие глупости...

Ньекко не обманул отцовских ожиданий: на уроках он заставлял Нико играть до тех пор, пока детские руки не сводила судорога и смычок не падал на пол. Только тогда учитель позволял немного передохнуть, смазывал ему подушечки пальцев кунжутным маслом, чтобы ученик не резал их в кровь и было легче играть. От усталости мальчик едва держался на ногах, да и упражнения были одно к одному — нудные фуги, скучные элегии, сонаты, которые впору играть на похоронах. Никколо тошнило от этой музыки, временами он чувствовал себя грешником, которому ад ниспослан уже при жизни. Ну почему учитель не позволяет сыграть польку, которую Нико сочинил несколько дней назад, — задорную, шутивную, полную радости и смеха? Но синьор Ньекко наставлял отрока: слыша игру скрипача, люди должны задумываться о тщете земного существования, а не предаваться пустому веселью.

В двенадцать лет Никколо впервые выступил перед публикой. Театр Сан-

Слыша игру Паганини, публика с трудом удерживалась от того, чтобы не пуститься в пляс прямо на концерте

Агостино был забит до отказа — слава о маленьком виртуозе разнеслась по всей Генуе. Мальчик стоял в кулисах и дрожал от ужаса: в голове звучала настоящая какофония, казалось, он не помнит ни одной ноты. Его ждет полный провал...

Программу, отшлифованную до мелочей, он исполнял из рук вон плохо, но после первого же этюда зал взорвался овациями, и Нико смекнул: чтобы нравиться зрителям, вовсе не требуется хорошо играть. Достаточно просто стоять на сцене с глубоко несчастным видом. И люди будут хлопать только затем, чтобы сделать ему приятное...

...Прикрыв глаза, Паганини сидел в кабинете на диване. Даже отдыхая, он всегда мысленно проигрывал произведения и сейчас повторял последний концерт для скрипки, сочиненный несколько месяцев назад. Маэстро помнил его наизусть и легко смог бы сыграть, даже если бы вдруг лишился партитуры. Много лет назад Никколо приучил себя сочинять вариации для скрипки без инструмента, развивая способность слышать внутренним слухом. Так уже в тринадцать лет он написал 24 фуги для фортепьяно, два скрипичных концерта и несколько пьес. Так же сочинил 24 знаменитых каприса. Их признали уникальным явлением в искусстве даже отъявленные скептики, называющие молодого скрипача «одаренным шарлатаном» за несколько театральную манеру исполнения. Тем не менее Паганини почему-то верит, что люди любят его не за уникальное дарование, а за то, что его музыка заставляет их радоваться. Последний, 24-й каприс состоял из цикла вариаций на мотив тарантеллы. Слыша его, публика с трудом удерживалась, чтобы не пуститься в пляс прямо на концерте, и Никколо радовало это больше, чем все похвалы седебородых критиков. Не зря же говорят, что музыка Паганини воскресит даже мертвого! Однажды пожилая синьора уговорила маэстро после концерта прийти к ней в дом и сыграть что-нибудь для неизлечимо больного сына — бедняга несколько лет не поднимался с кровати. Паганини сыграл. И парень впервые пошевелил ступнями...

Уже второй день лихорадка не возвращалась, но Никколо пока боялся брать в руки скрипку. Он решил принять ученика, с которым занимался до болезни.

Мальчик стоял в кулисах и дрожал от ужаса: в голове звучала настоящая какофония, казалось, он не помнит ни одной ноты

Маэстро обладал выразительной внешностью: худой, длинный, нескладный, с невероятными пальцами — чуть ли не вдвое длиннее, чем у обычных людей. Его часто изображали на карикатурах...

чу, понимаешь?..» В элегии, сочиненной несколько лет назад, звучало столько боли, страха и неуверенности в себе, что Паганини не желал исполнять ее со сцены — зачем публике знать о слабостях скрипача? Доиграв до конца, он взглянул на мать. Она плакала: «Ты так несчастен, сынок...» Паганини опустился перед ней на колени: ничего, он еще покажет себя, скоро снова сможет давать концерты... Мать вздохнула: «А может, ты спрячешь подальше свою скрипку? Купим небольшой домик под Генуей и заживем как люди». Паганини усмехнулся, представив, как будет пасти коз и окуривать виноградную лозу. Может, когда-нибудь так и случится, но только не сейчас... Сейчас надо одолеть болезнь, терзающую его, как хищный зверь. Во что бы то ни стало выйти победителем из этой схватки...

Сон не шел — в голове эхом звучали слова матери: «Ты так несчастен, потому что в твоём сердце нет места ни для кого, кроме твоей скрипки...» Никколо долго не мог уснуть — слова матери попали в самую точку. Он и сам нередко задумывался: почему судьба, наградив его умением тонко чувствовать музыку, отказала в способности любить ближнего? Он всегда бунтовал против брака, повторяя: «Мне нужно не любовное воркование, а уважение и свобода. Свобода — вот высшее счастье для мужчины». Женщина же будет требовать к себе если не любви, то внимания. А разве сможет он ей дать даже эту малость? Крутится как белка в колесе: то репетиции, то концерты, да еще бесконечные переезды из города в город. Даже ночью маэстро не всегда расстается с инструментом.

Однажды Паганини так и заснул, положив скрипку рядом с собой на подушку. В ту ночь он проснулся, оттого что услышал, как жалобно звякнула струна, пошарил в темноте по подушке и едва не вскрикнул от неожиданности, наткнувшись рукой на женское лицо.

Никколо тряхнул головой, прогоняя остатки сна: «Господи, да это Элиза! Сумасшедшая! Пришла, зная, что муж храпит за стенкой! Но...» Никколо пронзило страшное предчувствие: что если она не заметила скрипку? Он зажег свечу и громко выругался — из-за небрежности

Паганини всегда бунтовал против брака, повторяя: «Мне нужно не любовное воркование, а уважение и свобода, Свобода — вот высшее счастье для мужчины»

Мальчик начал с менуэта, но сбился с такта, и Паганини поморщился: неужели так трудно играть, отсчитывая ритм на три доли? Ученик снова сфальшивил и, вконец расстроившись, захлюпал носом. Маэстро потрепал его по щеке: музыкант не может быть мямлей, иначе никогда не станет великим. Паренек насупился: а если он не хочет быть великим и мечтает играть только для матери и сестры? Для них он все равно самый лучший музыкант, пусть хоть сто раз собьется с такта! Рассуждения ученика привели Паганини в замешательство: ему-то всегда внушали, что надо стремиться быть лучшим, и только лучшим! Но, несмотря на

то что Никколо чуть ли не с пеленок называли гением, он до сих пор, выйдя на сцену, холодеет от ужаса, боясь, что возьмет неверную ноту и разочарует людей. Ему всегда было мало одобрения одного человека — например, матери, которая конечно же тоже не перестала бы его любить, окажись он самым бездарным музыкантом на свете.

..Дверь кабинета скрипнула, и на пороге с кружкой молока появилась синьора Тереза. «Магушка, хочешь я тебе сыграю?» Женщина застыла в замешательстве: обычно, собираясь репетировать, сын прогонял ее из комнаты. «Сынок, ты бы лучше отдохнул...» — «Но я сам этого хо-

подруги скрипка лишилась струны! От злости Никколо скрежетал зубами, Элиза же как ни в чем не бывало ворковала: «Не переживай, милый, мы купим новую скрипку. Амати или Страдивари. Любую. Только не сердись на меня...» Никколо взорвался: он не нуждается в подарках и одолжениях! И завтра же уедет из этого дворца. Он готов бежать на край света, куда угодно, главное — подальше от Элизы... Но вопреки обещаниям Паганини не уехал из дворца Бачокки ни на следующий день, ни через неделю, ни через месяц. Элиза, как всегда, убила его отatters. И подарила новую скрипку. Эта женщина обладала поразительным даром всегда добиваться своего.

...Паганини приехал в небольшое герцогство Феличе Бачокки, неподалеку от Лукки, намереваясь погостить с недельку, отыграть пару концертов и вернуться в Геную. Но задержался на три года — супруга хозяйина, сестра самого Наполеона Бонапарта, сделала ему предложение, от которого музыкант не смог отказаться. Герцогиня Элиза предложила Паганини собрать камерный оркестр, а также пообещала дирижерское жалованье и полную свободу в творчестве. Никколо согласился, даже не задумавшись, почему Ее светлость проявила к скрипачу такую благосклонность.

Все прояснилось в один из вечеров, когда Элиза, оставшись с Никколо в гостиной, предложила сыграть на рояле в четыре руки. Паганини согласился, но по своему обыкновению так увлекся игрой, что не заметил, что хозяйка убрала руки с клавиш и пристально его разглядывает... Она поцеловала его в шею так запросто, будто между ними существовала давнишняя связь и она имела полное право на подобную вольность. Никколо вскочил со стульчика и, покраснев, устался на носки своих туфель. Элиза улыбнулась: «Прошу вас, не надо смущаться! Вы — самый необыкновенный человек из всех, кого я встречала. И прикоснуться к вам — все равно что припасть к святыне». Никколо криво усмехнулся: только этого не хватало! Выходит, герцогиня поцеловала его точно так, как приложилась бы к мощам святого мученика? Элиза, выслушав эту гневную отповедь, за которой скрывалось крайнее смущение, обняла его за шею и поцеловала в губы. Паганини смутился еще больше и, неловко высвобо-

Никколо криво усмехнулся: только этого не хватало! Выходит, герцогиня поцеловала его точно так, как приложилась бы к мощам святого мученика...

Имя маэстро всегда окружали легенды. Говорили, что четвертая струна скрипки Паганини сделана из кишок задушенной им молодой женщины, а сам он — последователь сатаны

кроме «ми» и «ля», Паганини за ночь написал «Любовную сцену» и наутро сыграл герцогине. Наконец-то хозяйка одарила его восторженным «Браво!» Но пройдет совсем немного времени, и Элиза, взяв Никколо за руку, вкрадчиво поинтересуется: «Милый, а что если попробовать сочинить что-нибудь для одной струны? Вот шуму-то будет!..» Никколо вспыхнул: Элизу интересует лишь шум вокруг ее имени! Благодаря ей он превратился в какого-то пошлого музыкантишку, балаганного шута, который на всех светских раутах во дворце Бачокки только и играет свою «Любовную сцену». Но одного нежного взгляда Элизы было достаточно, чтобы буря быстро улеглась: если Ее светлость желает, он, конечно, напишет произведение и для одной струны. Но после этого уедет, и на этот раз ни за что не изменит собственному слову, даже если все его существо будет молить об обратном.

Военную сонату «Наполеон» для струны «соль» он исполнил на придворном концерте 25 августа 1804 года и вскоре после этого, как обещал, уехал из герцогства, желая поскорее забыть Элизу и вернуться к музыке, репетициям и концертам...

Но чертовка будто приворожила его. Через четыре года, получив во владение Тосканское княжество, синьора Бачокки опять пригласила Паганини погостить у нее пару недель. Проклиная себя за малодушие, Никколо примчался по первому же зову Элизы и остался на четыре года, пока герцогиня не потеряла к нему всякий интерес, перестав пускать в свою спальню. Тогда Паганини, желая отомстить, отважился на отчаянный шаг. Зная, что после поражения Наполеона Элиза не может видеть людей в военной форме, он явился на придворный концерт в мундире капитана гвардии (любовница пожаловала ему этот чин, чтобы он присутствовал на всех дворцовых приемах, куда не мог бы явиться просто в качестве музыканта). Как и следовало ожидать, разгневанная герцогиня послала Никколо записку, требуя прекратить маскарад и сменить костюм. Паганини наотрез отказался и той же ночью, собрав вещи, уехал в Милан. Много позже он узнал, что шутка с капитанским мундиром до такой степе-

Элиза постучалась в его спальню. Прежде чем Никколо успел вымолвить хоть слово, она закрыла дверь на ключ и скинула легкий шелковый пеньюар...

дившись из ее объятий, произнес: «Извините, ваша светлость, но близость между нами невозможна». Гостиную он покидал в полной уверенности, что расставил все точки над «i». Но в тот же вечер Элиза постучалась в его спальню. Прежде чем Никколо успел вымолвить хоть слово, она закрыла дверь на ключ и скинула легкий шелковый пеньюар...

Паганини так увлекся этой непостижимой женщиной, превратившей робкого юношу в страстного любовника,

что его жизнь пошла кувырком. Ему льстило, что герцогиня, известная в Европе своими головокружительными адюльтерами, избрала своим любовником именно его. Он забросил репетиции с оркестром и, уединившись в своей комнате, целыми днями сочинял посвящения Элизе. Но та, слушая их, лишь капризно кривила губы: «Слишком просто и скучно. Надеюсь, я заслужила нечто особенное...»

Тогда, сняв со скрипки все струны,

ни разозлила герцогиню, что она отдала приказ о его аресте...

Освободившись от чар Элизы, Никколо объехал все большие и малые города северной Италии, давая по нескольку концертов в день. Успех был просто оглушительный! Публика замирала, наблюдая, как маэстро играет концерт с нотного листа, перевернутого вверх ногами, не замедлив темп и ни разу не сбившись. В другой раз он вызвал шквал оваций, исполнив сонату по партитуре, которая упала с пюпитра под ноги. Паганини не расставался со скрипкой по двадцать часов в сутки, пока однажды утром не потерял сознание: у него внезапно пошла горлом кровь.

Но, слава Богу, благодаря заботам матери и собственным усилиям Никколо удалось справиться с недугом и вернуться на сцену. В 1824 году впервые после долгого перерыва Паганини снова приехал в Милан. Неслыханное дело: он объявил о концерте всего лишь за два дня, а билеты разлетелись в одночасье — публике не терпелось посмотреть на знаменитого скрипача, который воскрес из мертвых.

Паганини исполнил «Интродукцию» — труднейшее сочинение для скрипки, а затем вариации на тему арии «Как сердце замирает» из оперы Джузеппе Паизиелло «Прекрасная мельничиха». Свой коронный пассаж он играл пиццикато левой рукой — никто из скрипачей ни до, ни после Паганини не смог повторить такого. Раскланиваясь, Никколо заметил в первом ряду партера очаровательную темно-волосую молодую особу. Перехватив взгляд скрипача, девушка бросила ему маленький букет фиалок. Паганини уловил тонкий аромат, и память будто осветила яркая вспышка: он определенно встречал эту женщину, благоухающую так же, как эти нежные цветы. Конечно! Это же Антония Бьянка, хористка из театра «Сан-Самуэле», он познакомился с ней несколько лет назад во время гастролей в Венеции!

После концерта маэстро сам подошел ее поприветствовать. Девушка залилась краской. Галантно поцеловав ей руку, Паганини шепнул на ухо: «Завтра, в кафе «У Горацио», ровно в два. Сможете?» Антония молча кивнула...

Они сидели в кафе уже около часа, но так и не перебросились даже парой фраз. Никколо вспомнил, как, увидев ее впервые, посоветовал: «Учитесь петь — и будете выступать в моих концертах». И Бьянка, наивная простушка, в тот же вечер пришла к нему в отель показать свое вокальное умение... Глядя на лицо Антонии,

похожее на лик Мадонны, Никколо думал, что именно из такой женщины получится хорошая жена и мать. «Маэстро... Простите, вы, наверное, считаете меня полной дурой, но скажите: правда, вам сделали операцию, чтобы повисить гибкость пальцев?» Паганини рассмеялся: никому и никогда он не позволял прикасаться к своим рукам без особой на то причины. Разве что ей... Антония накрыла своей маленькой ладошкой большую узловатую руку музыканта. «Кстати, маэстро, я хотела вам сказать, что вполне выучилась петь. Возможно, теперь вы не откажетесь взять меня с собой?»

Из Милана они уехали вместе. Сначала в Павию, затем в Геную. Признаться, Паганини было нелегко решиться на столь отчаянный шаг — путешествовать с женщиной, с которой он не обвенчан. В его жизни уже была похожая история, о которой он предпочитал не вспоминать.

В 1814 году в Генуе Никколо познакомился с прелестной дочерью портного, Анжелиной Каванной, и увез ее с собой на гастроль в Парму. Но глупая девчонка вскоре забеременела, и Никколо пришлось прервать гастроль, чтобы отвезти ее в деревню к родственникам — там Анжелина могла скрыть свой позор. Но генуэзец-портной разыскал дочь и пришел в неопишемую ярость, поскольку мысль о женитбе соблазнитель решительно отверг, заявив, что не собирается из-за ничемной интрижки портить себе жизнь. Оскорбленный отец подал на Паганини в суд за похищение и насилие. При воспоминании о том судебном процессе у Никколо до сих пор мурашки бегают по спине: он провел в карцере девять дней (именно тогда родилась легенда, что он играл на скрипке даже закованный в кандалы)! Мало того, что очернили его имя, так еще заставили выплатить девчонке и ее папаше три тысячи лир! Антонии он рассказал эту историю, чтобы в будущем между ними не возникло никакой неясности — она должна твердо знать: ни хорошего мужа, ни отца из Никколо не получится! Антония не разговаривала с ним несколько дней, а потом неожиданно спросила: «Скажи, а что стало с ребенком?» — «Он умер вскоре после родов...» — «Бедняжка... Могу пообещать тебе одно: с моим сыном не случится ничего подобного. Я смогу вырастить его и без отца».

Паганини похолодел: ну вот, все повторяется, Антония беременна! Придется снова отправляться к родственникам в деревню... Однако минуло несколько дней, и решимости у маэстро поубавилось. «В сущности, чего бояться? — рассу-

Паганини запретил пышные похороны: «Я не желаю, чтобы артисты исполняли реквием по мне»

Антония забеспокоилась: а все ли у Никколо в порядке с головой? Ни один мужчина не будет так переживать из-за того, что у ребенка поднялась температура!

ждал он. — В конце концов, ребенок — не так уж и плохо. Ведь мне уже сорок два — самое время подумать о наследнике!»

Когда Ахилл появился на свет, трудно было найти более счастливого отца, чем Никколо. Он не спускал малыша с рук, сам менял ему пеленки, купал, мерил температуру, даже закалял по утрам: обливал прохладной водой и растирал жестким полотенцем. Паганини поклялся себе, что не допустит, чтобы мальчик вырос таким же хилым и болезненным, каким был он сам. Когда Ахилл впервые простудился, Никколо собрал целый врачебный консилиум и готов был заплатить любые деньги, лишь бы доктора помогли. «Он плачет, Антония, он плачет, мой мальчик просит о помощи, а я

бессилен что-либо для него сделать!» Видя, как он страдает, Антония всерьез забеспокоилась: а все ли у Никколо в порядке с головой? Ни один нормальный мужчина не будет так переживать по пустякам: подумаешь, у ребенка поднялась температура! Но Паганини ничего не желал слушать — он сам найдет способ вылечить своего малютку.

Он взял скрипку и, встав у кровати сына, начал играть, сочиняя мелодию прямо на ходу. Из-под смычка лились звуки, которые в детстве радовали его самого: мяуканье кошки, пение канарейки, смех матери... Малыш перестал плакать и внимательно слушал. Через несколько часов жар спал, и на следующее утро Ахилл выглядел совершенно здоровым. Зато отец

свалился с приступом грудной болезни. Никколо пролежит в постели месяц, а поднявшись, скажет Антонии, что смерть подала ему знак: «Я должен позаботиться о будущем нашего мальчика».

Паганини с Антонией и сыном уехали в Европу. В Вене он работает как одержимый и после концертов у него опять горлом идет кровь, снова случаются обмороки. А тут еще в Антонию будто бес вселился: не проходит дня, чтобы не устроила сцены. Однажды он не взял ее на встречу с меценатом-торговцем — и Антония в отместку расколошматила футляр от скрипки. В другой раз Никколо привел ее на раут в знатный дом, а она, решив вдруг, что он флиртует с хозяйкой, расплакалась и влепила ему пощечину на глазах у собравшихся. Антония успокоилась, только узнав, что Паганини выхлопотал ей пожизненную пенсию в сто миланских скудо.

Они стали избегать друг друга: при его появлении Антония забирала сына и запиралась в спальне (вскоре Паганини оформит единоличную опеку над Ахиллом, заплатив Антонии две тысячи скудо, а потом будет неустанно твердить мальчику, что он не должен встречаться с ма-

В 1839 году Паганини последний раз выступил в Генуе. Маэстро отыграл концерт, поклонился и... попросил у всех прощения. Кадр из фильма «Паганини». В главной роли — Клаус Кински

Пройдет еще полвека, прежде чем душа великого скрипача обретет успокоение: епископ Ниццы запретил хоронить музыканта в освященной земле

терью, продавшей его за тридцать сребреников). Никколо до поздней ночи сидел в нетопленной гостиной и составлял расписание гастролей на несколько месяцев вперед, подсчитывая гонорары за концерты. Он должен убедиться, что Ахилл не будет терпеть нужду, после того как отца не станет.

Весной 1830 года, после триумфальных концертов в Вестфалии, Паганини наконец вздохнул свободнее: на счету скопилась кругленькая сумма, к тому же двор пожаловал музыканту наследственный титул барона: теперь никто не посмеет назвать Ахилла внуком генуэзско-

го лавочника, пусть его отец это баронство и купил...

В 1839 году Паганини последний раз выступил в Генуе. Маэстро вышел на сцену, с трудом переставляя распухшие ноги, отыграл концерт, поклонился и... попросил у всех прощения.

Он скончался в Ницце. За несколько часов до смерти прогнал от себя доктора (Паганини всегда говорил: «Счастлив тот, кому дано отправиться на тот свет без посредничества врачей») и попросил Ахилла принести ему скрипку. Тронул пальцами струны и вдруг последним отчаянным усилием сломал смычок:

«Положи его в гроб, так мне будет спокойнее...» Паганини было пятьдесят семь лет.

Но пройдет еще столько же, прежде чем душа великого скрипача обретет наконец успокоение. Епископ Ниццы запретил хоронить музыканта в освященной земле, объявив его еретиком, который перед смертью не раскаялся и не принял причастия. Церковь припомнила Паганини все: и помощь карбонариям (документальных свидетельств тому не существовало, но, как известно, дыма без огня не бывает), и отказ сочинять для клира: Никколо говорил, что не хочет выставлять свои отношения с Богом на всеобщее обозрение. Ему вменили в вину даже «дьявольскую» внешность...

Сначала гроб тайком захоронили у стен маслодавилини, затем останки перенесли на мыс Сент-Оспис, к подножию башни сарацинов, после перевезли в Геную. И лишь через полстолетия. Никколо Паганини обрел покой на кладбище в Парме.

Варвара Холупец